

ЧААДАЕВ - ФИЛОСОФИЧЕСКИЙ МАСОН

Н. АСАДОВА: Это передача «Братья», я её ведущая Наргиз Асадова и наш экскурсовод в мир масонства Леонид Александрович Мацих. Доброй ночи.

Л. МАЦИХ: Добрый вечер.

Н. АСАДОВА: Сегодня мы поговорим об очень интересном персонаже в русской истории. Это Пётр Чаадаев. Так и называется наша передача – Чаадаев – философический масон. Мало мы знаем об этом человека, прискорбно мало сегодня. Человек он действительно выдающийся. Вот о нём и пойдёт речь. И, наверное, прямо сразу поставим портрет, который написал Алексей Дурново, вот таким он видит Чаадаева.

Л. МАЦИХ: Так тому и быть.

БРАТЯ. ОДИН ИЗ НИХ. ИЗ БРАТЬЕВ.

А. ДУРНОВО: На императорской службе Пётр Яковлевич Чаадаев без сомнения сделал бы блестящую карьеру. К середине 30-х годов XIX века он мог бы быть генералом, а может быть даже министром. Однако как раз в это время стал сумасшедшим. Разумеется, по официальной версии. В действительности же до самой смерти Пётр Яковлевич сохранял ясный ум, которому позавидовали бы многие современники и потомки. Как же получилось, что Чаадаев сделался для государства сумасшедшим, будучи при этом здравомыслящим человеком?

История запутанная, тем более, что первая половина жизни Чаадаева была разделена между двумя мирами. В одном мире был Московский Университет, где юный Пётр познакомился с Александром Грибоедовым и несколькими будущими декабристами. В другом мире находилась армия и военная служба. И это была совершенно иная среда обитания. За достаточно короткое время Чаадаев успел поучаствовать в Бородинском сражении и получить орден Святой Анны.

Оставил армию после семёновской истории – восстание семёновцев против строго полковника Григория Шварца и суровое наказание, последовавшее за этим неповиновением, не оставили Чаадаева равнодушным. Он посчитал невозможным для себя оставаться в рядах армии и вышел в отставку. В этот момент Чаадаев сделал окончательный выбор между двумя мирами, о военной карьере можно было забыть. Но оставались друзья, ум и чтение. Вскоре после выхода в отставку Чаадаев решает совершить путешествие по Европе.

Оттуда он возвращается через три года, находясь под сильнейшим влиянием идеи Фридриха Шеленга. И затем приступает к работе над собственным сочинением. К началу 30-х из-под пера Чаадаева выходят письма о философии истории. Публикация первого из них в журнале «Телескоп» привела к разрушительному скандалу. Издание закрыли, письма к печати запретили, а автора объявили

сумасшедшим, потому что публиковать подобные идеи в николаевской России было действительно безумно.

И Петру Яковлевичу ещё повезло, что его не сослали за это в Сибирь или не заключили в крепость. Следующее сочинение, апологию сумасшедшего, никто, разумеется, публиковать не стал. Однако одного письма оказалось достаточно. Чаадаев сделался едва ли не отцом русской философии, потому что именно письмо разделила отечественных мыслителей на славянофилов и западников. А имя Чаадаева навсегда сохранилось в русской культуре. Так что, думается, между мирами он выбрал правильно.

Генерала, конечно, не объявили бы сумасшедшим, но зато и забыли бы на следующий день после смерти.

Н. АСАДОВА: ну что, это был портрет Петра Чаадаева.

Л. МАЦИХ: Это подтверждает, что Чаадаев не так уж хорошо известен нынешней, даже интеллектуальной публике, о чём, разумеется, можно только сожалеть. Передача ведь названа «Философический масон» не случайно. Главное сочинение Чаадаева – «Философические письма», он как и друг его и ближайший наперсник Грибоедов, остался автором одной книги. Хотя и Грибоедов написал кроме «Горя от ума» много разных, и Чаадаев написал целый ряд произведений. Но это главное, стержнеобразующее его произведение, благодаря ему он стал известен, причём, гораздо более, чем предполагал.

Известность была столь огромна, скандальна и чудовищна, что она впоследствии определила всю жизнь дальнейшую Петра Яковлевича, и жизнь ему во многом и испортила.

Н. АСАДОВА: Но поскольку мы говорим о масонской части его жизни в основном, как повлияла масонская идеология на его жизнь и творчество, давайте с этого и начнём. Когда он вступил в масонскую ложу, где это было?

Л. МАЦИХ: Он вступил в масонскую ложу в Питере, он делал блестящую карьеру, о чём упомянуто у Алексея Дурново.

Н. АСАДОВА: Вы знаете, есть разные источники, которые утверждают, что он в 1814 году в Кракове был принят в масоны.

Л. МАЦИХ: Так говорят, но сам он это отрицает. Очень возможно, что так оно и есть, просто мы не знаем этих документов. Система обнародования масонских архивов неспешная. Вполне возможно, до этих документов мы докопаемся. Но пока они под спудом. Он это отрицал, именно факт, что он вступил в Кракове в ложу «Белого орла», в ложу польских масонов. Вступил он в Питере в ложу «Соединённых друзей», она была очень популярная ложа, она существовала во французском варианте, и в русском. Сообразно языку, который в основном там принят.

Кроме того, потом он вступил в ложу «Северных друзей» и состоял он в ложе «Астрея» И в ложе «Астрея» он дослужился до очень высоких степеней. Когда он покидал масонство в 1828 году, он в Иоановском масонством, строгом, шотландском, он имел восьмую, одну из самых высоких степеней посвящения.

Н. АСАДОВА: А сколько их всего там было?

Л. МАЦИХ: Девять. И он сделал можно сказать большую масонскую карьеру. Хотя у него отношения с карьерой масонской и военной были очень непростые. Он, может быть, слишком стремился к степеням,

градусам, к чинам и званиям. И поэтому они его и обходили. Он вышел потом из масонских лож, о чём написал очень пространное письмо.

Н. АСАДОВА: Мы об этом обязательно более подробно поговорим. Понятно, что молодые люди развитые и образованные того времени просто обязаны были быть членами масонской ложи. Это было просто модно. Об этом мы говорили в других передачах. Но, тем не менее, кто из масонов наибольшее влияние оказал на Чаадаева? Кто вообще его туда рекомендовал? Известно это или нет?

Л. МАЦИХ: По поводу первой части Вашего тезиса, состоять тогда в масонах означало иметь ярлык свободомыслия, прогрессивного движения идей, ориентации в сторону Запада, в сторону всего европейского, передового и лучшего. А Чаадаев был убеждённый западник. Он вернулся из европейского похода Русской армии человеком абсолютно сформированным. А потом, когда он после трагического конца своей военной карьеры то ли из-за недоразумения, то ли по собственному желанию, когда он вышел в отставку...

Н. АСАДОВА: Говорят, что он отказался от блестящей карьеры.

Л. МАЦИХ: Это сложный вопрос, до сих пор не прояснённый. Одни говорят, что его вынудили его друзья по Семёновскому полку, другие говорят, что он стал жертвой чересчур щекотливого поручения, которое ему дали.

Н. АСАДОВА: Какого?

Л. МАЦИХ: Он должен был сообщить царю о волнениях, которые были в Семёновском полку, и это рассматривалось многими его сослуживцами, как донос. То есть, он должен был с точки зрения офицерской чести немедленно подать прошение об отставке. Но эту бумагу доносную не везти царю. Но он повёз, зная её содержание. Иные говорят, что он слишком медленно ехал и его опередил некий австрийский посланник. Это маловероятно. Скорее всего, там было стечение обстоятельств.

Надо сказать, что Пётр Яковлевич, при всех своих достоинствах, был человеком ранимым и как-то так даже по-девичьи, и болезненно самолюбивым. И он иной раз преувеличенно реагировал на вопросы чести, достоинства, амбиций. И здесь вполне возможно можно было и перетерпеть. И там улеглась бы чиновная гроза, начальственная. Но он пошёл на обострение. Тут же испросил отставку. Он, вероятно, думал, что не дадут, поскольку карьера у него была самая блистательная. Но дали.

Н. АСАДОВА: Но считается, что именно он был прототипом Чацкого в произведение «Горе от ума» Грибоедова.

Л. МАЦИХ: Скорее всего, да.

Н. АСАДОВА: И вот этот характер... «Служить бы рад, прислуживаться тошно», может быть, это было какое-то высокомерие, поэтому он не хотел служить и делать карьеру?

Л. МАЦИХ: Чаадаев служил с молодых ногтей.

Н. АСАДОВА: В какой-то момент он пришёл к мысли, что не хочет больше.

Л. МАЦИХ: Нет, я не думаю, что это было так. Там всё было сложнее. И сама фигура Чацкого, прототипом которого, безусловно, был Чаадаев, в черновиках у Грибоедова – Чадский, это совсем прозрачно. И сам Чацкий Александр, как персонаж поэмы и Пётр Чаадаев – это люди непростые, и отношения их со службой тоже очень непростые. Чаадаев был человеком

очень хорошего рода. Его дедом был Щербатов, один из самых знаменитых людей России. Он был человек, полный сословных предрассудков, что выделяло его из среды масонство, где кичиться фамилиями было не принято. А он был таков.

Кроме того, он не терпел несправедливости, он был болезненно чутким к любым проявлениям несправедливости или к тому. Что ему казалось таким. И наконец, он был очень умён, его превосходная начитанность, великолепное знание языков в конце концов его светские повадки и ухватки, он был хорош собой, он был высок, строен, наездник прекрасный, все эти качества великолепные, делающие из него блистательного светского льва и желанного жениха, они вызывали зависть и вызывали неприятие.

И это рождало высокомерие. Он понимал, что он превосходит окружающих. Это не способствовало дружбе с его ближайшими даже друзьями. Он по характеру был человеком достаточно нелюдимым и закрытым. Из близких друзей, пожалуй, только Грибоедов и Пушкин. Но зато какие!

Н. АСАДОВА: Мы спросили тоже людей в переулке, где жил Чаадаев, а это Басманный переулок, неизвестно, сохранился ли дом где он жил, но мы отправили Алексея Дурново в Басманный переулок, чтобы он спросил у прохожих, знают ли они, чем знаменит Чаадаев. И вот что получилось.

А. ДУРНОВО: Дом Чаадаева на Басманной сохранился в несколько странном виде. Это низкое одноэтажное сооружение, про которое люди не знают фактически ничего. Во всяком случае предположить, что в этом здании кто-то может жить, крайне трудно, настолько мрачно оно выглядит. Впрочем, во время Чаадаева этот дом выглядел скорее всего иначе, и для проживания, очевидно, был более пригоден, чем теперь.

Самое интересное, впрочем, начинается в тот момент, когда впервые спрашиваешь прохожих о Петре Яковлевиче, потому что про нашего героя помнят. И всё благодаря школьной программе, в которую Чаадаев попал из-за Пушкина. Именно в связке с великим поэтом и вошёл Пётр Яковлевич в память людскую. Загадкой осталось лишь одно – кто же собственно такой Чаадаев. Вот Михаил, например, считает его критиком.

МИХАИЛ: Соратник Пушкина.

А. ДУРНОВО: А знаменит чем?

МИХАИЛ: Критикой.

А. ДУРНОВО: Александр смутно припоминает знакомое ему имя, источник воспоминаний – тот же самый, школьная программа.

АЛЕКСАНДР: Не буду врать, не знаю. Чаадаев... Со школьной программы знакомое имя, но это давно было, я не помню.

А. ДУРНОВО: Вера долго пыталась вспомнить, чем же занимался Чаадаев. В итоге решила, что оптимальный вариант – общественный деятель.

ВЕРА: Пётр Чаадаев, вообще-то друг Пушкина, насколько я помню. По-моему, это поэт, общественный деятель в те времена. Единственное, что я помню.

А. ДУРНОВО: А вот Пётр своего тёзку зачислил в писатели. Правда, честно признался, что сам Чаадаева никогда не читал.

ПЁТР: Я подробности не знаю. Я знаю, что Чаадаев был известный писатель, что ли... Но, я его не читал. Это наверное дореволюционный... Не знаю, это надо в библиотеке взять книжку про Чаадаева и почитать его биографию.

А. ДУРНОВО: Самое интересное, что все опрошенные отчасти правы: любое из перечисленных определений, от соратника Пушкина до писателя – это, отчасти, правда. Однако, правее всех оказалась Наталья Владимировна, которая считает Чаадаева философом, даже отцом русской философии.

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА: Письмами своими философскими. Все философы сыграли положительную роль, они оставили свои мысли. Если считать, что ярый критицизм, наверное, отец, потому что мы все продолжаем его традиции, к сожалению. Очень критично на всё смотрит.

А. ДУРНОВО: Но, так или иначе, имя Чаадаева всем знакомо. Правда, не благодаря его знаменитым письмам, а благодаря стихотворениям Пушкина. Впрочем, это как раз заслуга не Александра Сергеевича, а Петра Яковлевича, потому что Пушкин людям, ему неинтересным, стихов не посвящал.

Н. АСАДОВА: Ну, вот так вот...

Л. МАЦИХ: Не самые лучшие результаты. О Чаадаеве никогда особо вслух не говорили. Он был первым объявленным на государственном уровне сумасшедшим. Потом эта практика дивно расцвела в более просвещённые годы.

Н. АСАДОВА: Давайте более подробно расскажем, за что.

Л. МАЦИХ: Давайте последовательно. Он состоял в трёх ложах масонских и потом вышел оттуда, не мирясь с масонской дисциплиной и не мирясь с тем, что чьё-то мнение может быть более авторитетным, чем его. Это надо иметь в виду. Он был человеком очень независимых суждений. Он был принят во время своего европейского вояжа, уже после того, как он вышел в отставку, властителями дум тогдашней Европы.

Н. АСАДОВА: Это в 1826 году.

Л. МАЦИХ: Да. Его принимал Шеленг, его принимал француз Ламина, а это были тогда люди самые авторитетные среди интеллектуальной элиты. И они с ним беседовали на равных. Поэтому когда он вернулся в Россию, он ожидал к себе отношения как к некоторому пророку, как к человеку, который призван возвестить истину. А никто не торопился с такими авансами. И поэтому у него было положение Чацкого. Чацкий приехал всех расставлять по местам в дом Фамусова, всем клеить ярлыки и всем объявлять, как они ничтожны. А публика оказалась совершенно к этому не готова.

Его объявили сумасшедшим, причём, его возлюбленная Софья, это гениально Грибоедовым схвачено. С Чаадаевым произошло нечто подобное, очень пророческая оказалась поэма Грибоедова. Он претендовал на роль пророка. Денис Давыдов, который его ненавидел, хотя он был масоном и тоже героем войны, но он завидовал интеллектуальной славе Чаадаева, чего у Дениса Давыдова напрочь не было. Он написал о нём довольно злобное стихотворение о том, что он во время войны по гостинным выступал шагом журавлиным, на паркете, вместе того, чтобы на поле брани.

И там есть такие слова... Кстати, первое обвинение несправедливо.

Чаадаев воевал и воевал очень храбро. А дальше такие строки:

*Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Он в гостиных битъ привык
В маленький набатик.*

Во-первых, Чаадаев склонялся к католичеству.

Н. АСАДОВА: Пренебрежительно.

Л. МАЦИХ: И зло, хотя в этом случае, во втором, отчасти верно. Он действительно склонялся к католичеству, к безбрачию и к проповеди всех католических добродетелей. Кроме того, его слушательницами зачастую были представительницы высшего московского света, по интеллектуальному уровню никак с ним не равнявшиеся.

Н. АСАДОВА: Но он с ними очень нежно переписывался.

Л. МАЦИХ: Да, в этом смысле он был человеком очень галантным.

Н. АСАДОВА: И Вы знаете, я когда читала эти письма, они без какого-то снобизма написаны, как ни странно, по отношению к дамам.

Л. МАЦИХ: По отношению к дамам настоящий кавалер, дамский угодник. Но по отношению к мужчинам он спуску не давал. Поскольку сравниться с ним по начитанности, по блестящей эрудиции, по памяти великолепной и по интеллектуальному уровню практически не мог никто в тогдашней России, то он и держался соответственно. Пушкин назвал его умнейшим человеком России. У Пушкина тоже было с амбициями всё в порядке. Пушкин признавал его своим учителям. И может быть главным.

Он очень повлиял на формирование интеллектуальных горизонтов Александра Сергеевича. Пушкин посылал ему «Бориса Годунова», посылал ему свои черновики, свои письма на редактуру, неслыханная для него вещь! Пушкин не терпел никакого диктата. Когда Пушкин задумал жениться, Чаадаев был его наставителем, как он писал, не столько в делах семейных, сколько в формировании мировоззрения зрелого, остепенившегося семейного человека.

Н. АСАДОВА: В одной ложе они состояли с Пушкиным?

Л. МАЦИХ: Нет, Пушкин состоял в ложе «Овидий», где он вступил в Кишинёве, при посредстве Пестеля Павла Ивановича, декабриста. И Пушкин ничему на самом деле, кроме писания стихов, того занятия, которое принесло ему всемирную славу, никакому другому занятию он не придавался всерьёз, его всё тяготило. Чаадаев был человек, в тысячу раз более обстоятельный.

Н. АСАДОВА: Вот ещё интересен такой момент – отношения Чаадаева с богом. Вы говорите, что он склонялся к католичеству, но в письмах он говорит не о боге, а о высшем разуме.

Л. МАЦИХ: С богом у всех отношения нормальные, у Чаадаева были ничего. Отношения Чаадаева напряжённые были не с богом, а с религией. Как с любой доктриной. Он любые доктрины отвергал, поскольку он притязал на то, что он будет созидать новую. В этом смысле он готовился свою доктрину сформулировать.

Н. АСАДОВА: Да, он писал о водворении царства божьего на земле. Причём, царство божьего он понимал, как справедливое общество, прототип которого он видел на Западе.

Л. МАЦИХ: нет, не только, это немножко некоторое заострение с Вашей стороны, некоторое преувеличение.

Н. АСАДОВА: Упрощение, я бы сказала.

Л. МАЦИХ: Скажем так – заострение публицистическое. Он был большим западником. Он вместе с Кириевским издавал журнал «Европеец». Он полностью своими симпатиями на стороне Запада был. Это да. но он тоже как человек очень трезвый и умный, он не идеализировал Запад, он не полагал, что там царство божье построено.

Н. АСАДОВА: Но если перечислить основные положения, которые привлекали его на Западе, он считал, что Россия должен к этим идеалам стремиться.

Л. МАЦИХ: Он немножко не так считал. Когда он вернулся с Запада и стал домашним проповедником, «маленьким аббатиком», он принёс убеждение, что православие, цитирую – это религия сухая и бесплодная. И сравнивал её с евангельской бесплодной смоковницей. Католицизм же он считал пышным плодоносящим деревом. Это я пользуюсь его метафорой. Это уже вызывало в тогдашней косной московской среде к нему такое отношение настороженное. Уже это могло послужить основой слухов о сумасшествии.

Кроме того, он полагал, что папство есть вещь полезное. И папство не позволило государству себя сломать, а православие оказалось с поломанным хребтом при Феофане Прокоповиче и Петре, теперь это Министерство по церковным делам. И как он часто любил говорить, что раньше были сосуды деревянные, попы золотые, а сейчас сосуды золотые, а попы деревянные. Он выступал острейшим критиком не только духовенства, ему современного, это было общее место, но и православия, как доктрины. Так далеко никто не заходил.

В этом смысле он выступал, как богослов, он цитировал отцов церкви, он показывал, что католическая доктрина лучшая, она плодотворнее, продуктивнее, чем православие.

Н. АСАДОВА: Но сам он не вступил в католичество.

Л. МАЦИХ: Вступил! Он принял католичество, когда он крестился. Это ещё более отдалило от него какую-то часть публики и восстановило против него других.

Н. АСАДОВА: А, в социальном смысле, какие он идеалы западные провозглашал?

Л. МАЦИХ: Он не был социальным пророком. Он, кстати, потому и к декабристам относился довольно прохладно.

Н. АСАДОВА: Хотя он был декабристом.

Л. МАЦИХ: Он состоял в Союзе благоденствия и состоял в масонских ложах. Как раз социальные моменты ему казались слишком мелкими.

Н. АСАДОВА: Ну ладно! А отмена крепостного права?

Л. МАЦИХ: Он считал это само собой разумеющимся. Но он был выше этого. Следует понять, куда простирался его интеллектуальный горизонт.

Н. АСАДОВА: Я просто пытаюсь понять, в чём, кроме католичества, его западничество выражалось?

Л. МАЦИХ: В том, что он считал, что России нужно перестать...

Н. АСАДОВА: ...идти своим путём?

Л. МАЦИХ: да, идти своим путём и признать, что никакого своего пути нет. Есть путь восточный, под которым он понимал ислам, и это он

отвергал. Есть путь варварский, под этим он понимал все народы, которые вели тогда кочевой образ жизни. Он немножко с европейским снобизмом об этом писал, но что было, то было. И есть путь западный, который есть единственный магистральный.

Поэтому он полагал, что все рассуждения об особом пути – это по определению неверная вещь, они ведут в тупик. И он за Грибоедовым повторил интересную фразу. Грибоедов е сказал впервые. «Мы оказались повреждённым классом полувосточников. Мы сидим на двух стульях». Это его определение немножко жестковатое, но оно определяет суть его мировоззрения. И что пора перестать вилять, а решить, мы с Петром, мы идём по западному вектору или мы возвращаемся в азиатчину, Византию. Византию он ненавидел и полагал, что она корень всех зол.

Н. АСАДОВА: В чём ещё смысл европейского пути по Чаадаеву?

Л. МАЦИХ: Установление правильных основ образования, удаление...

Н. АСАДОВА: А что значит правильные основы? Сравнить образование российское того времени и западное того времени. К чему он стремился?

Л. МАЦИХ: Стремился к введению должных стандартов, которые были приняты в передовых европейских странах, в германских княжествах, во Франции и Англии.

Н. АСАДОВА: Но сам Чаадаев наравне говорил наравне с выдающимися западными мыслителями. То есть, его образование российское соответствовало западному.

Л. МАЦИХ: Он получил домашнее образование блистательное. Он же понимал, что у кого ещё, кроме узкой кучки столбовых дворян есть такая возможность. Он хотел, чтобы в гимназии были введены классические языки, чтобы выпускники университетов российских свободно изъяснялись на латыни и греческом. Кстати. Потом, даром что он был объявлен сумасшедшим, эти нормы восторжествовали. И к концу XIX века стандарты образования в России практически не отступали от западных. Его путь и приняли, хотя его ославили сумасшедшим. Вот чего он хотел.

Кроме того, он хотел, чтобы духовенство перестало вмешиваться во все формы частной нецерковной жизни. Он хотел отмены цензуры, отмены крепостного права, свободы предпринимательства, свободы тиснения (печати), свобода выражения мнений, свобода манифестаций. И тогда, как он полагал, исчезнут тайные общества. Он говорил, что до тех пор не исчезнут тайные общества, пока не будет свободы выражения мнений. То есть, на самом деле, все идеи, которые он проповедовал, потом были приняты. И сейчас они воспринимаются, как общее место.

А тогда за это приклеивался ярлык безумца.

Н. АСАДОВА: А философические его письма, он там очень горестно и пронзительно пишет о России, о её настоящем и будущем. Когда читаешь эти слова, становится страшно, потому что практически ничего не изменилось. Нет, мы понимаем, что с тех пор много чего изменилось. Но его слова, они тем не менее до сих пор актуальны.

Л. МАЦИХ: Они актуальны в том смысле, что всегда есть люди, которым Россия не нравится по определению.

Н. АСАДОВА: Потому что Россия, как он писал, что Россия создана, чтобы быть уроком всему человечеству, как делать не надо.

Л. МАЦИХ: Тут надо внести некую ясность. Всегда есть люди, которые полагают, что Россия не может быть хорошей, Россия худшая из

всех стран. С другой стороны никогда не переведутся люди, которые говорят, что Россия – лучшая из всех стран, ничему учиться ей не надо, она по определению рай на земле. А между этими двумя полюсами недоумков лежит весь спектр общественных мнений. Чаадаев любил Родину. И он это подтвердил кровью и орденами на поле брани. В отличие от его оппонентов, кстати. Хотел бы я их видеть на поле брани на его месте.

И написал он очень интересную фразу о России, если говорить о горькой. Вот такая фраза горькая: «Я не научился любить Отечество с закрытыми глазами». Он не писал ничего такого ужасно обидного о русском народе. Он не объявлял его в тупости, в лени, в пьянстве, в разврате. Нет. Он просто писал, что народ-то замечательный, но формы правления, они половинчатые, это при Александре I было сущей правдой. И они всё время тяготеют к азиатчине. Корень же зла российского он видел в Византии, в том, что византийский царедворческий порядок, фаворитизм, лицемерие, ложь, продажность, раболепие, сервильность и холопство – они стали коренными чертами русского православия. Вот это он хотел переменить.

То есть, он замахивался не на конкретные политические институты или на социальные правила, а он замахивался на перемену всей ментальности народа. Это была грандиозная задача.

Н. АСАДОВА: И невыполнимая.

Л. МАЦИХ: не знаю. Но очень многое из того, что он сказал, сбылось. И Россия встала в ряд европейских народов, что доказало.

Н. АСАДОВА: был такой момент в истории.

Л. МАЦИХ: Нет, он был и есть, он и продолжается. Россия – европейская страна. Я не знал человека, который бы в здравом уме говорил, что у нас азиатская страна.

Н. АСАДОВА: Ну почему... У нас много очень проявления азиатчины той самой.

Л. МАЦИХ: Азиатчины в дурном смысле?

Н. АСАДОВА: С точки зрения коррупции, отсутствия дорог, отношения к человеческой жизни. По-прежнему мы не европейцы.

Л. МАЦИХ: Из перечисленных Вами вещей, коррупция есть явление общемировое.

Н. АСАДОВА: Но тем не менее, я имею в виду масштабы.

Л. МАЦИХ: Неразвитость инфраструктуры – тоже. А вот отношение к человеческой жизни, я бы сказал, заострив – отношение к человеческой личности.

Н. АСАДОВА: И к человеческой жизни тоже, потому что если там американцы считают каждого своего солдата, павшего на поле битвы и фотографии вывешивают в газетах, то у нас примерно, как обычно. Ну, примерно столько погибло.

Л. МАЦИХ: Япония – тоже азиатчина, однако Япония помнит своих солдат. Тут не нужно через чур широких обобщений.

Н. АСАДОВА: А Япония пошла по европейскому пути во многом.

Л. МАЦИХ: И Россия пошла по европейскому пути. В этом смысле Пётр Яковлевич оказался прав. Магистральный путь развития человечества – это путь развития европейский. Что есть Америка, как не филиал Западной Европы! Он приводил одну латинскую поговорку, я приведу её в переводе – разумных судьба ведёт по дороге, а неразумных тащит. Он не хотел, чтобы судьба, рок Россию тащили по дороге прогресса. Хотел бы,

чтобы страна шла сама. Это часто не получалось. В этом плане он тоже оказался прав и многие слова его были пророческими.

Но он выражал свои мысли очень жёстким и непримиримым языком. И поскольку возражать ему, по сути, было очень тяжело, он каждый тезис подкреплял множеством примеров, ссылок, это нужно было всем прочесть, это невозможная задача была для его критиков и критиканов, то возражали ему по форме, по принципу, который потом тоже восторжествовал – я не читал, но осуждаю. Тогда впервые эта фраза была сказана. Редко кто читал журнал Надеждина «Телескоп», но все бурлили, все говорили: «Какой негодяй, подлец, надо вызвать его на дуэль, сжечь его дом, вырезать родню и выслать его в его любимую Европу на 10 лет без права переписки».

Н. АСАДОВА: Вот, когда я читала эти философические письма, возникло впечатление, что он человек очень несчастный. Он очень яркий, умный человек, он видит во всех мельчайших подробностях все негативные стороны своего Отечества, что возник сразу вопрос – а зачем он вернулся в Россию?

Л. МАЦИХ: Он вернулся в Россию, чтобы здесь жить.

Н. АСАДОВА: Чтобы сделать что? Ведь он был отшельником.

Л. МАЦИХ: Нет, он стал отшельником.

Н. АСАДОВА: Он вернулся в Россию, был объявлен вскоре сумасшедшим и стал отшельником.

Л. МАЦИХ: Нет, нет! Он вернулся и вёл вполне активный образ жизни.

Н. АСАДОВА: Но не так долго.

Л. МАЦИХ: Он вёл переписку, у него был своего рода салон. Для тогдашней Москвы это было не рядовое событие. Обычно салон собирали прекрасные дамы, там была возможность пофлиртовать, посмотреть на красавиц, познакомиться, потанцевать, выпить, закусить. У него салон был беспрецедентный, чисто интеллектуальный. Туда приходили любители не просто словесности, а серьёзных научных штудий. Но однако, посещалось.

Н. АСАДОВА: Были любители?

Л. МАЦИХ: были, были. От студентов, совсем бедных, в заплатанных сюртуках, до вельможного боярства.

Н. АСАДОВА: Всё равно, мне очень непонятен этот его путь. Мы с Вами согласимся, что в итоге он был отшельником.

Л. МАЦИХ: Он хотел принести России пользу в таком же смысле. Как Чацкий хотел исправить московское общество?

Н. АСАДОВА: И как? «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Он нигде на службе не состоял, в университетах не преподавал. Каким образом?

Л. МАЦИХ: Он думал быть одиноким проповедником. Я думаю, он мнил себя пророком, который станет неким таким светочем общественной мысли. Хотел формировать общественное мнение, оно обернулось против него и объявило его сумасшедшим. Он не хотел больше служить, он делал карьеру и блестящую. Он не желал больше идти ни в какую службу, ни в гражданскую, ни в военную. Но тогда никто не думал об отшельничестве. Он даже жениться думал, а потом он эти мысли оставил.

И он философические письма написал, но не публиковал, он разослал их в списках и ожидал реакции просвещённой публики. Пушкин, кстати, довольно сдержанно отреагировал. Разная была реакция. Скажем,

Булгарин, Греч, они, кстати, записные патриоты, они были куда болеем на его стороне. Но он ожидал некой дискуссии. И чего он никак не предполагал – это что публикация вызовет такую бурю общественную.

Если бы он знал, он не стал бы этого делать. Но нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. Он не ожидал, что это вызовет такую лавину общественного осуждения, ненависти к нему. Его объявили врагом России, а он как раз хотел принести стране пользу. Он хотел на примерах доказать, как Россия неправильно выбрала вектор развития...

Н. АСАДОВА: Высветить все эти недостатки своим мощным фонариком.

Л. МАЦИХ: Проектором бы я сказал, своего разума. И как направить Отечество на верный путь. Отечество не оценило этого и он обиделся, огорчился. И тогда он ушёл в добровольный затвор. Разумеется, он не захотел никакую женщину делать несчастной, хотя находились такие добровольцы. И он стал практически вести монашеский, затворнический образ жизни.

Н. АСАДОВА: И даже тогда не пришла к нему мысль уехать в Европу?

Л. МАЦИХ: нет, во-первых, его не очень выпускали, во-вторых он считал это трусостью. Это получается малодушие, меня травят – я бегу. Нет, я буду стоять. И он стоял до конца.

Н. АСАДОВА: Жалко, что с ним сейчас нельзя поговорить и спросить про это.

Л. МАЦИХ: Он писал об этом своему брату и это, кстати, как раз оценивалось всеми современниками, что можно приехать и пообщаться с Петром Яковлевичем. Грибоедов оставил интересное описание: «Чаадаев в халате цвета московского пожара, полубезумный, а вместе с тем, величайший умник, не перестававший читать философов современных и древних, испещрявший поля великолепными, гениальными комментариями». И на вопрос, почему не пишет, ему этот вопрос адресовали многие, Герцен, который его безумно ценил, например. Он говорит: «Да вот, как-то перо валится из рук, никакая мысль на ум не идёт». Какой-то внутренний кризис он переживал, надломила его эта история.

Н. АСАДОВА: Абсолютно! Получается, что человек с невероятными задатками, просто гений своей эпохи, единственное, что он сделал – философические письма.

Л. МАЦИХ: Это очень много. Он сформировал русскую философскую традицию. И нет ни одного русского философского произведения, которое бы на эти небольшие по объёму письма не ссылались бы, практически ни одного. И его последующие письма, и одно, и следующее – «Апология сумасшедшего» и «Письма об архитектуре», они безумно интересные, с точки зрения интеллектуального содержания. Его мысли о культуре, об истории цивилизации, о воплощении идей в архитектурно-художественную форму. Он действительно был гений.

Но он то ли опоздал родиться, то ли через чур рано. Как Пушкин писал:

*Свободы сеятель пустынный
Я вышел рано до звезды.
А ведь в оригинале было*

Ты вышел рано...

Он это адресовал Чаадаеву, как и многое другое. У Пушкина, раз мы вспомнили великого поэта, у него же, как о Чаадаеве сказано:

*Он высшей волею небес
Рожден в оковах службы царской,
Он в Риме был бы Брут, в Афинах - Периклес,
А здесь - он офицер гусарский.*

Пушкин очень рано понял масштаб личности. И Чаадаев это понял. Проблема в александровской и особенно в николаевской России – всё должно было быть нормировано, в некой форме.

Н. АСАДОВА: Не выше линии, прочерченной императором.

Л. МАЦИХ: Гениально Вы цитируете Герцена. Именно так. А он выламывался из всех форм. И в этом была его проблема. Он ни во что не вписывался, ни в какие рамки. Этим объясняется его разрыв с масонством.

Н. АСАДОВА: Вот! Главный вопрос. Почему он ушёл из масонства и как он это объяснял? Потому что он как раз оставил письмо довольно большое.

Л. МАЦИХ: Часть этого письма потеряна, надо сказать. Может быть мы его найдём ещё. Как мы знаем из практики, многие масонские документы потом всплывают. Сейчас оно пока под спудом.

Н. АСАДОВА: А где оно, кстати, хранится?

Л. МАЦИХ: Та часть письма, которая есть?

Н. АСАДОВА: Да.

Л. МАЦИХ: В ГАРФе. Но то, что там сказано, говорит более-менее вот о чём. Меня тяготят праздные, пустые разговоры, во-вторых, ритуалы ради них самих, в-третьих, я вижу больше намерений, чем поступков. Я почти цитирую, близко к тексту. А я хотел бы видеть конкретные действия, а не разговоры о них и пустые мечтания. В основном так. Но чего он не упоминает, а это красноречивее чем то, о чём он пишет, его тяготила дисциплина, он не желал над собой никого видеть. Хотя он получил должность надзирателя в ложе «Астрея», тоже очень высокую.

И братья оценивали его потенциал. Но он хотел быть только первым. Причём, первым не среди равных, а первым среди подчинённых. Он был не человек системы, ни в какую систему он не вписывался, ни в воинскую, ни в штатскую, ни в масонскую. Он был одинокий гений. Разлёт крыльев его метафорический был столь огромен, что никакая иная птица не могла к нему приблизиться. Он был обречён на одинокий полёт альбатроса, если говорить поэтическим языком. В этом была его сила и слабость.

Н. АСАДОВА: Вы в начале передачи сказали такую мысль, что все масоны того времени были западниками. Неужели среди славянофилов не было масонов?

Л. МАЦИХ: Гораздо меньше. Но тогда не было такого деления, оно потом оформилось.

Н. АСАДОВА: кстати, во многом благодаря «Философическим письмам».

Л. МАЦИХ: И водоразделу, который эти чаадаевские письма положили. Но конечно, среди тех, кто потом примкнул к славянофильству,

масонов было меньше. Масонство опиралось на западную традицию, на свободу собраний, на свободу мнений, печати, переводов, свободу дискуссий. Славянофильство говорило, что всё это от лукавого, что это язвы западные, Европа атакует нас. Чаадаеву эти слова были как иглы в живое тело, он ненавидел такого рода разговоры и считал это признаком ограниченности, тупости и изуверства.

Н. АСАДОВА: Ещё одна такая тема интересная – Чаадаев и декабристы. Он был, как мы уже говорили, в декабристском обществе. И во время восстания он был в Европе. Но тем не менее, его отношение и к людям. Которые были на Сенатской площади, и которые готовили восстание, и потом которые отправились в ссылку.

Л. МАЦИХ: Отношения были самые тёплые. Но ещё до восстания, когда никто про него не знал, Чаадаев не разделял образа мысли тех, кто призывал к насилию. Он к топору никогда не звал. То есть, он был вообще человек размышления, он был кабинетный человек. В его письмах нет ни одной практической рекомендации. Есть констатирующая часть и нет резолютивной. Так что следует делать? Куда следует идти? Он только констатирует. Он чистый учёный, это эссе, это не программный политический документ.

И в этом смысле он уже с ними расходился. Кроме того, насилие он ненавидел и никогда бы его не поддержал. Ну и потом, понимаете ещё какая вещь, когда он вернулся из Европ, как тогда говорили, во множественном числе, Пушкин писал, что он застал совершенно другую эпоху, другую страну и других людей. И его отношение уже с потомками тех, с кем он начинал декабристское дело, было абсолютно иными, ему было тяжело с ними. У них не было того общего прошлого.

Ну и в николаевской России ему сложно было. Эта атмосфера зашнуровывания мыслей, атмосфера гнёта, остзейская немота Бенкендорфа, как писали поэты, на него очень тяжело давила, может быть даже более, чем на Пушкина, поскольку он не был склонен к житейским утехам, ни к питью вина, ни к обожанию красавиц, ни к светскому веселью, для него интеллектуальная деятельность сосредотачивала в себе все отрады. И когда это запрещалось, когда на это давили, когда это шельмовалось, он чувствовал себя человеком, самым несчастным на свете.

Н. АСАДОВА: А с Пестелем у него какие были отношения, они были знакомы?

Л. МАЦИХ: насколько я знаю, нет. Он был знаком с теоретиками декабристского движения – с Орловым, с Шаховским, Трубецким. Он был из высшего дворянства и был большим снобом. Пушкин тоже был ему не ровня, но Пушкина он принимал за талант, так же, как и Грибоедова. И талант он ценил. Но для того, чтобы войти в круг его знакомых, нужно было быть или человеком очень даровитым или очень одарённым. Только эти два качества давали пропуск в круг его ближайших знакомых.

Н. АСАДОВА: А как он воспринял само восстание? Он его воспринял как предательство офицеров? И нарушение присяги?

Л. МАЦИХ: Он ничего одобрительного в адрес декабристов не сказал. Но и не осудил. Осудить – это означало ударить павшего, для него это было невозможно, как для человека чести. А мы уже говорили о его щепетильности. А похвалить – это означало, во-первых, одобрить нарушение присяги, одобрить призыв к насилию и бунт против законного государя. Для него эти вещи были невозможны. Поэтому он предпочёл

умалчивать. Были вещи, о которых он не любил говорить. Он не любил говорить об этом пресловутом визите к Александру, после которого он подал в отставку, не любил говорить о раннем периоде своих связей с декабристами и об отношении к самому бунту на Сенатской площади.

Пушкин сказал, что если бы был в Питере, то точно пошёл бы. А Чаадаев такого никогда не говорил. И не из трусости. Он действительно не пошёл бы. Но он с другой стороны сделал бы всё, чтобы их отговорить. Он был весь в этом. Он был человек кабинетного размышления. Представить его на площади было сложно, не трибун был.

Н. АСАДОВА: Такой момент, когда его объявили государственным сумасшедшим, то есть легенда, что врач, который после беседы с ним сказал фразу, которая потом стала крылатой: «Если бы не моя семья, жена да шестеро детей, я бы им показал, кто на самом деле сумасшедший».

Л. МАЦИХ: ничего бы он не показал, это дежурная фраза.

Н. АСАДОВА: Это действительно легенда?

Л. МАЦИХ: Это апокриф видимо.

Н. АСАДОВА: И вообще, кто сочувствовал тогда Чаадаеву? Были люди, которые пытались как-то помочь ему устроиться в том социуме, который существовал?

Л. МАЦИХ: Помочь устроиться было невозможно. Люди ожидали ссылки и Сибири. Времена-то были крутые!

Н. АСАДОВА: А почему его действительно не сослали?

Л. МАЦИХ: Во-первых, слишком родовит...

Н. АСАДОВА: Ну и что? Сколько родовитых декабристов были...

Л. МАЦИХ: Не так много. И за это Николаю очень пеняли. Николая и так обвиняли в том, что он хочет извести, как Иван Грозный, извести всё родовитое дворянство. Это было тяжёлое обвинение тогда. И он боялся его. Поэтому Чаадаева он трогать в этом смысле не решился. Кроме того, проще было не делать его преступником, к преступнику как раз было бы сочувствие, а к сумасшедшему – только брезгливое сострадание. И именно этого власть и добивалась. Это был сильный ход, говорят, подсказанный Бенкендорфом. Шефом жандармов.

Сочувствовали очень немногие. Сочувствовал Надеждин, который загремел в Усть-Сысольск, к чёрту на рога, сочувствовал Пушкин, Жихарев, Катенин, его друг, Каверин, очень немногие. Действительно, цвет нации в интеллектуальном смысле. А многие очень злорадствовали и злобствовали – Давыдов, Вигель, который написал ему донос митрополиту Серафиму питерскому, не Филарету, Филарет не дал бы хода доносу, а именно питерскому митрополиту Серафиму, оттуда попал к Бенкендорфу и царю. И после этого пошла бешеная огласка.

Но конечно, сочувствующих была горсть по сравнению с бушующим морем кликушества негодования. Захлёбывания своей слюной и того, что потом назвал Бердяев – отравление собственным бешенством. Этого было гораздо, в разы больше.

Н. АСАДОВА: Удивительно, какую сильную реакцию он вызывал в обществе.

Л. МАЦИХ: Он сам этого не ожидал.

Н. АСАДОВА: Задел значит за живое.

Л. МАЦИХ: Видимо чувствовали эти вещи. По поводу фразы, которую Вы сказали, ему приписали фразу о том, что прошлое России отсутствует, прошлого у России нет, настоящее невыносимо, будущее в

тумане. И в ответ на это Бенкендорф, шеф жандармов, его оппонент, он сказал свою фразу о том, что прошлое у России замечательно, настоящее великолепно. А будущее столь прекрасно, что самое смелое воображение не может себе его представить. Кстати, обе фразы были сказаны по-французски.

Н. АСАДОВА: кстати, и «Философические письма» были написаны и опубликованы по-французски.

Л. МАЦИХ: Да, потом перевёл переводчик Кетчер, а потом уже и другие, и Герцен переводил и многие другие. Сам он великолепно по-русски изъяснялся, но ему легче было об отвлечённых вещах говорить по-французски. Да, вот такая история. Фразы о том, что у России будущего нет, настоящее невыносимо, а прошлое отсутствует, в его письмах нет, нет в черновиках, это ему приписали. И придумал это некто Вигель, его ненавистник, который его травил и писал на него доносы. К этой фразе в основном и цеплялись, а он её не произносил. Хотя он говорил о России много горьких слов и много тяжёлых слов говорил он о православии и об историческом пути России.

Это один из самых тяжких документов, которые написал любящий Россию человек. Но уже тогда всякое слово, которое расходилось с официальной линией, торопились объявлять безумием и конечно воинствующей русофобией. В этом смысле судьба Чаадаева предвосхитила судьбы многих людей, которые болели душой за отечество, но говорили независимые вещи. И это не находило никакой общественной поддержки. В этом смысле он был предшественник, предтеча их тяжёлых судеб.

Н. АСАДОВА: Он умер в 62 года, это достаточно долгая жизнь по тем временам.

Л. МАЦИХ: Смотря с кем сравнивать. Если с Вами – то да, если со мной – то не очень.

Н. АСАДОВА: В те времена не так чтобы...

Л. МАЦИХ: Нет, долго жили достаточно. Филарет жил до 85, в зависимости от того, какой образ жизни человек вёл. У него не было дурных привычек, он не пил, не курил, был равнодушен к женщинам и к усладам стола, гастрономическим утехам. Он вёл затворнический образ жизни. И последние несколько лет вообще не показывался на улице, т.е. не выходил из четырёх стен.

Н. АСАДОВА: Он читал?

Л. МАЦИХ: Может быть, это свело его в могилу. Читал очень много, читал, писал, переписывался, принимал людей, но не выходил даже за пределы своего двора. Он был в молодости здоров, но под конец эти все переживания, я думаю, они в основном свели его в могилу до времени. Конечно, он мог прожить ещё. Но когда говорят, что человек умер преждевременно, имеется в виду, сколько бы он мог создать. А про Чаадаева, видимо...

Н. АСАДОВА: нельзя сказать.

Л. МАЦИХ: Он уже всё совершил. Он главные свои произведения написал и написал реакцию на все эти обвинения.

Н. АСАДОВА: И пережил реакцию.

Л. МАЦИХ: Пережил.

Н. АСАДОВА: Это подвиг.

Л. МАЦИХ: Да, пережил физиологически и пережил интеллектуально, и пережил лично. И отреагировал на это должным образом. Но вряд ли

можно было бы себе представить, чтобы он что-то ещё создал равновеликое этим «Философическим письмам».

Н. АСАДОВА: И похоронен наш герой, этот вопрос мы спрашивали в викторине на сайте, на Донском кладбище, в монастыре. Кстати, до сих пор можно увидеть...

Л. МАЦИХ: Да, могила его сохранилась, в отличие от многих иных. И каждый, кто хочет, может прийти на эту могилу и поклониться Петру Яковлевичу. Стоит помнить, что это был по-настоящему великий человек, знакомый Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, Грибоедова, Герцена.

Н. АСАДОВА: И прототип всеми нами любимого Чацкого.

Л. МАЦИХ: Всеми изучаемого. Человек энциклопедических познаний, человек, несомненно, хотевший Родине только добра, но высказавший это очень странным образом, и заслуживший репутацию русофоба и ненавистника страны в большей степени, чем бунтовщики, которые выступили с оружием против власти. Вот какая невероятная судьба. Это показывает судьбу человека слова в России. Он предвосхитил слова некоего Евтушенко:

Поэт в России больше чем поэт.

Вот как слово может отозваться и какую роль в судьбе человека и страны может сыграть.

Н. АСАДОВА: Ну что ж, это была передача «Братья» и сегодня мы вам рассказывали про философического масона Чаадаева. Сейчас мы с вами попрощаемся и до встречи на следующей неделе.

Л. МАЦИХ: Всего наилучшего.